

“НЕ ЛЮБЛЮ МЕЛЬКАТЬ”

Я хотел начать так: “Вера Глаголева в бытность мою гимназистом долго-долго мне снилась”... Но постеснялся. Про Вертинскую “Новый Взгляд” написал: по-хорошему ломкая. А о Глаголевой можно сказать: по-хорошему субтильная. Как же живет это эфирное существо сейчас, когда... ну, вы знаете...

— Вера, вы политикой хотя бы в форме просмотра телепередач или периодики интересуетесь?

— Сказать “нет” — не поверишь, потому как “чужая боль поднимается в атмосферу, и мы этим дышим”, хотя бы вот поэтому... Но сказать “да” я не могу, поскольку сущая правда — “нет”! Упаси

меня Бог от манерности дурацкой, я и не силюсь выдать себя за до кончиков пальцев суперафинированную особу, но все, что имеет отношение к политике, страшно меня раздражает, а с некоторых пор и опустошает. Из нуди все это превратилось в жупел какой-то, и чувства страха и вместе бессильной злости уже, боюсь, не избыть. С того дня, как в верховном зале изгалялись над Сахаровым, сведя его в могилу. Тогда у меня на многое открылись глаза, и для меня разом все кончилось. Это была черная полоса для меня. Так что... политики нет (у нас, я имею в виду), есть грязь, амбиция и паучья возня в банке.

— Стало быть, про сегодняшнюю Глаголеву можно сказать, что она человек асоциальный и этой асоциальностью спасающийся...

— Ну, не так книжно... А в общем... я-то, конечно, “асоциальна” — но в каких пределах это у нас возможно: могу дать обет, что не буду лезть в дела державные, так ведь держава не удержится, полезет в мои. Хотя бы в мой карман — во время первого же смехотворного поползновения пойти что-нибудь приобрести дешево и сердито.

Про натуру не скажу, скорее со временем я заделалась сугубо дойшащим чело-вечком. Пафос терпеть не могу, посему затрудняюсь попроще выразить уже очевидную тягу к патриархальному укладу, что ли. Во всем. Так что я женщина семействен-ная, все менее общественная.

— Значит ли это, что в семейной жизни у вас все на мази?

— Мне не хотелось бы... Если бы приватный разговор... Этого я не люблю. Да-вай напишем так, без лишних слов: все нормально у меня в этом смысле.

— Хорошо. Скажите, Вера, вы любительница говорить о своей профес-сии?

— И да, и нет.

— Как прикажете понимать?

— А так и понимать.

— Вы сильная?

— Теперь — более, чем прежде.

Но это приобретенное скорее. Актриса не может позволить себе слабо-сти, ибо состояние преодоления чего-нибудь — и на сцене, и в быту — состояние посто-янное. Нужна воля... но это уже трюизм.

— Как вы относитесь к богеме, к светским тусовкам с их известной ат-рибутикой?

— Могла бы сказать, что там много наигрыша, но не все так просто. Раньше я обожала ходить на премьеры в Дом кино, была такая полоса. Выпить в меру, потре-паться, побалачничать — что тут предосудительного? Но я говорю об “умеренных до-зах”... После все изменилось, я не люблю мелькать, живу довольно тихо, не ощущаю себя от этого ущербной, потому что спокойно жду, пока мне предложат сделать мое. У меня есть мой круг, мне достаточно.

— Ваш дебют в ипостаси режиссера — картина “Сломанный свет” — одно из самых ярких моих впечатлений за последние годы. Я-то сподобился про-смотра, просочившись на элитарную тусовку, а фильм до широкого экрана не дошел. Что за детектив?

— Это долго рассказывать... Могу сказать только, что ее предполагал купить Рудинштейн, но там что-то не сошлось между спонсорами и им, тут “сработала” бо-язнь продешевить, верно.

После были разговоры о телевидении... Меня снедает, конечно, недоумение: неужто нельзя при общем уровне фильмов, которые демонстрируются сейчас на ТВ и про которые все-все понятно, — показать и эту? Но... не буду же я... Неловко как-то. Подумают: возомнила.

У нас это хронические препоны.

— А ощущения бесперспективности нынешней жизни у вас нет?

— Со мной из того, что делают наши “кормчие”, я “на ножах”, многое не то что раздражает, а уже доводит до белого каления, но я отчетливо сознаю, что иначе быть не может. Хотя... Я, может быть, элементарно рассуждаю, но мне кажется, что можно было избежать такого жутчайшего количества оплошностей... Они играют, мудрецы, а люди стонут.

— А вы лично?

— Я что, богоизбранная? Но давай закроем тему, жаловаться я не буду, а без жалоб тут не обойтись.

— Тогда расскажите о своем последнем художественном потрясении.

— Ну перепады!.. Во-первых, я весьма осторожна с такими “архизкспансивными понятиями”, обыкновенно чураюсь их, поскольку очень впечатлительна. Вернее было бы как раз говорить о сильном впечатлении... Могу побожиться, что уж точно не бал-дею от “Косильщика лужаек”, не говоря о чем-то исключительно низкопробном... Все-таки не могу не сказать о “Раскаленном небе” Бертолуччи. Это полнокровное кино, где все вроде бы на ниточках хрупких, на честном слове, на подтекстово-закадровых нюансах, на феерических ландшафтах, где ты... просто растешь... Об этом не ска-зать.

Еще. Раньше я была одержима театром, репертуар Таганки и Бронной знала вдоль и поперек (а с Эфроса, считаю, я началась попросту). Понимаешь, аура была необыкновенная, настрой всегда приподнятый, но не от бездумности, конечно.

Сейчас же — беда. Я не буду толкать речь про эстетику, про поиски, я поделюсь наблюдением: не стало непредсказуемости, все нарочное и вычурное, как просчитан-ное. Такое — где ни на грань пусть неуклюжей, но искренности — не про меня.

Только еще вот от Ленкома ждешь всякий раз чего-то такого...

— Вера, вы — Лучшая Актриса, Хорошая или Нормальная?

(Пауза. Неужели начнет кокетничать, выбирая из двух первых определе-ний? — О.К.)

— Нормальная. То есть не из Худших.

Выстояла.

О сущах и бытии